

А.П. ЗАОСТРОВЦЕВ

Реакция на контрсанкции: “Мы за ценой не постоим...”

В статье рассматриваются так называемые контрсанкции (запрет на импорт большинства видов продовольствия из США, стран ЕС и ряда других стран), введенные Россией в 2014 г. в ответ на западные санкции, их последствия и реакция на них населения. Отмечены ускоренный рост цен на аналоги запрещенных к импорту товаров, ухудшение их качества. В то же время явное большинство населения России поддерживает запрет на импорт. В статье этот факт объясняется комплексом национального величия (“державности”) как компоненты национально-го менталитета, составляющей институциональное ядро социального порядка. В поддержку этого вывода приводятся данные многочисленных социологических опросов, национальных выборов, рейтингов президента РФ. На основе модели иррационального поведения избирателя Б. Каплана показано, что спрос на иррациональное поведение ограничивается протекающими из него издержками (потерями благосостояния). Для эффективного ограничения этого спроса они должны постоянно нарастать. В противном случае негативные ощущения от них ослабевают, и спрос на нерациональное поведение остается высоким. В результате стабилизация ущерба от контрсанкций обеспечивает их поддержку населением.

Ключевые слова: контрсанкции, национальное величие, институциональное ядро, неформальные институты, ментальные модели, иррациональное поведение, имперское мышление.

“Сегодня мы имеем возможность наблюдать за вызреванием нарыва национального величия. И уже понятно, что русские полны решимости вырастить его до чрезвычайных размеров и во имя этого рекорда готовы на все”

(А. Невзоров)

Контрсанкции и их последствия

На ряд ограничительных мер в области внешнеэкономических отношений, введенных против нее рядом стран в результате присоединения Крыма и военных действий в Восточной Украине, Россия ответила так называемыми контрсанкциями. Их более правильно было бы назвать продовольственным эмбарго, так как они предполагают запрет импорта почти всего продовольствия из стран ЕС, США, Канады, Австралии, Норвегии. Введенные в августе 2014 г., они с тех пор только расширяются: через год под них попали Албания, Лихтенштейн, Исландия и Черногория, а с 2016 г.

Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, профессор департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург); научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: 198099, Россия, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17. E-mail: azaostrovstvsev@hse.ru

Цепной индекс потребительских цен (ИПЦ) по контрсанкционным группам продовольствия (в %)

Наименования группы продуктов питания	Цепной ИПЦ, рассчитанный на основе	
	текущих темпов роста цен в июле 2014—январе 2016 г.	средних темпов роста цен по аналогичным месяцам в 2009—2013 гг.
Мясо и птица	113	108
Рыба и морепродукты	136	110
Молоко и молочная продукция	118	116
Фруктоовощная продукция	139	98

Источник: [Николаев, Марченко, Точилкина 2016].

в этот же список вошла и Украина¹. С декабря 2015 г. Россия запретила ввоз 17 видов продуктов из Турции, и этот перечень расширялся в начале 2016 г. В мае 2016 г. было намерение полностью запретить поставки овощей и фруктов из Турции, но оно не реализовалось [Надыкто 2016]. Радикальная перемена политической ситуации летом—осенью 2016 г. привела вскоре к частичному восстановлению экономических отношений с Турцией.

В докладе Института стратегического анализа ФБК показан опережающий рост цен на попавшую под контрсанкции продукцию (см. табл. 1). Российское продуктовое эмбарго стало мощным импульсом для ускоренного роста цен на продовольствие. Цена, которую население России вынуждено было переплачивать ввиду ускорившейся из-за них инфляции, составила с августа 2014 г. по январь 2016 г. более 400 млрд руб. Авторы доклада для наглядности сопоставляют эту цифру с годовыми расходами консолидированного бюджета РФ на высшее и послевузовское образование (2014 г.—519,7 млрд руб.) [Николаев, Марченко, Точилкина 2016].

Один из источников роста цен — удорожание импорта при переключении на альтернативных поставщиков. Например, в 2015 г. Турция была основным поставщиком томатов в Россию и обеспечивала 57,7% их импорта. В I квартале 2016 г. поставки из Турции упали до нуля, зато поставки из Марокко составили 56,6% российского импорта томатов (против 17,3% в 2015 г.) и из Азербайджана 7,4% (против 1,0% в 2015 г.). При этом турецкие томаты поставлялись по цене 0,98 тыс. долл. за тонну, тогда как азербайджанские — по 1,24 тыс., а марокканские — по 1,44 тыс. [Шагайда 2016]².

Анонимный представитель Минэкономразвития РФ заявил информационной компании РБК в двухлетнюю годовщину контрсанкций буквально следующее: «Введение продовольственных контрсанкций по ограничению импорта в августе 2014 года стало весомым фактором высокого роста цен на продукты в конце 2014—начале 2015 годов в результате образовавшихся дисбалансов и снижения конкуренции. За два года цены на продовольственные товары выросли на 31,6% (<http://www/rbc.ru/rbcfreeneews/57a0984d9a7947375c34ff4>).

Контрсанкции негативно сказались и на качестве продукции. В июне 2016 г. Россельхознадзор вывесил на своем сайте целое научное исследование о применяемых способах фальсификации молочной продукции. Глава ведомства заявлял, что доля фальсифицированной молочной продукции (с использованием растительных жиров)

¹ Подробная история контрсанкций изложена в докладе Института стратегического анализа (ИСА) ФБК. Там же отмечается беспрецедентный характер такой меры в современной истории. Последний раз подобное имело место 80 лет назад: в 1935 г. Б. Муссолини в ответ на санкции Лиги Наций по причине нападения Италии на Эфиопию (прекращение поставок стратегических товаров стране-агрессору) ввел контрсанкции в виде запрета на импорт множества товаров [Николаев, Марченко, Точилкина 2016].

² Отмечу, что поставки томатов из Турции и в начале 2017 г. оставались под запретом.

в России в 2015 г. составила 11%, в некоторых случаях она достигла 50%. В октябре 2015 г. Россельхознадзор объявил, что 78,3% сыра, продаваемого в России, является продукцией, фальсифицированной жирами растительного происхождения (<http://www.fsvps.ru/fsvps/news/17481.html>).

Эта ситуация подтверждается и представителями бизнеса. Так, А. Мартыненко — руководитель компании “Умалат” (крупнейшего российского производителя моцареллы) утверждает, что 30–40% свежих сыров содержат пальмовое масло. Использование растительных жиров позволяет снизить себестоимость примерно на 30% [Краузова 2015]. В целом же эксперты уверены, что качество продовольственной продукции может падать и далее, если у производителя есть необходимость снижать себестоимость. Причем касается это далеко не только молока и молочной продукции [Поддубный 2016].

В Санкт-Петербурге в ходе журналистского расследования был открыт такой феномен, как “горящий творог”: купленный корреспондентом интернет-издания *Fontanka.ru* творог загорелся в результате поджигания. Содержание немолочного жира (растительных стеринов) составило 100%. В продолжение расследования была закуплена продукция в шести различных точках города. По нормам в натуральном твороге доля молочного жира должна быть 100%, в творожном продукте — 50%. Ни в одном из шести образцов она не превышала 5% [Галеева 2016].

В начале 2017 г. в выступлении на Гайдаровском форуме заместитель главы Россельхознадзора А. Алексеенко заявил, что по данным выборочных проверок ведомства в России устойчиво фальсифицируется четверть всей пищевой продукции (кроме яиц) (<https://ria.ru/society/20170113/1485683472.html>). Роспотребнадзор тут же выступил с опровержением этих данных, но в качестве аргументов не привел ничего, кроме данных Росстата (<https://ria.ru/society/20170113/1485689248.html>).

Позднее Счетная палата РФ в своей оценке процента фальсифицированной продукции приняла за истину данные Россельхознадзора в части молока. По результатам исследований учреждений, подведомственных Россельхознадзору, за период с 1 января по 5 августа 2016 г. были отобраны пробы 7879 партий молочной продукции в 84 регионах Российской Федерации, из которых 1973 (25%) признаны несоответствующими требованиям по показателям качества и наличию фальсификации. В то же время председатель правления Международной конфедерации обществ потребителей Д. Янин рассказал, что в России качественные показатели молока значительно ниже, чем мировые. Ориентировочное количество бактерий в 1 см³ молока первого сорта составляет до 500 тыс., в то время как в странах Евросоюза этот показатель находится в пределах от 50 тыс. до 100 тыс. [Беришвили 2017].

Подводя итог анализу эффекта продовольственного эмбарго Н. Шагайда и В. Узун констатируют: “Выбор продовольствия в качестве главного инструмента санкционной войны вряд ли можно признать удачным. Эта мера ударила по интересам потребителей” [Шагайда, Узун 2016, с. 103]. Российская же власть после снижения градуса эйфории от победы Д. Трампа на президентских выборах США стала приучать население к тому, что санкции — это всерьез и надолго. По словам председателя правительства РФ Д. Медведева, “мы должны подготовиться к тому, что мы будем жить в условиях санкций неопределенно долго” (цит. по [Неопределенно долго... 2017]).

Связанные с продовольственным эмбарго потери потребителей имели место на фоне третий год подряд снижающихся реальных доходов населения. В 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы населения составили 90,5% от уровня 2013 г., реальная начисленная заработная плата — 92,6% от уровня 2013 г., реальный размер назначенных пенсий — 93,8% от уровня 2013 г. В 2016 г. соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума для всего населения составило в IV квартале 2016 г. 372%, что ниже уровня для аналогичных периодов 2009–2015 гг. Соотношение среднего размера назначенных в IV квартале 2016 пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера в IV квартале 2015–2016 гг. равнялось 155%, что ниже, чем аналогичный показатель для тех же периодов 2010–2014 гг. [Ежемесячный мониторинг... 2017].

Казалось бы, в такой ситуации население должно быть настроено резко против контрсанкций. Однако опросы общественного мнения фиксируют во многом противоположную картину.

Восприятие контрсанкций

Население России полагает, что уменьшение выбора продуктов питания и рост цен на них – результат прежде всего санкций со стороны Запада. Так считают 35% опрошенных. На контрсанкции вину возлагает лишь 16% [Общественное... 2017, с. 218]. Можно было бы, конечно, допустить, что население смешивает санкции и контрсанкции, но социологи Левада-Центра при опросе обычно расшифровывают последние: говорится об ответных санкциях, включающих запрет на импорт продовольствия и других товаров из стран Запада (см. [Левада-Центр 2016^б]).

Исследовательский холдинг Ромир представил оценку восприятия населением последствий запретов на поставки продовольствия из ЕС, США и некоторых других стран по прошествии года с момента их введения российским правительством. Основные заключения были следующими: а) если в сентябре 2014 г. 21% российских граждан замечал последствия этих самоналоженных санкций, то год спустя их число выросло до 43%; б) 39% упомянули ухудшение качества продовольствия; в) но, тем не менее, продление этих запретов одобрили 71% опрошенных и только 21% были против его; г) 39% заявили, что они полностью поддерживают продление, поскольку видят в этом “адекватный ответ Западу”, и 32% объяснили такую позицию тем, что они предоставляют шанс для развития отечественного производства (http://romir.ru/studies/711_1443646800).

По истечении первого года действия контрсанкций примерно такие же результаты были получены и Левада-Центром (см. табл. 2). Респондентам был задан вопрос: “Как вы в целом относитесь к административному запрету российским руководством импорта продовольственных и сельскохозяйственных товаров из ЕС и США в ответ на санкции, введенные ими против России?”. Здесь особо стоит отметить, что положительное отношение к запрету оставалось на высоком уровне в течение всего года и никогда не опускалось ниже 64% (сумма ответов “определенно положительно” и “в основном положительно”). К сожалению, после 2015 г. вопрос в такой формулировке больше не ставился. Однако другие опросы также свидетельствуют, скорее, в пользу сохраняющейся поддержки ответных мер.

Во вторую годовщину санкций 58% опрошенных были согласны с мнением: “Политика запретов на импорт продуктов питания из Европы и США эффективна и уже дает положительные политические результаты, Россию стали больше уважать в мире и учитывать ее интересы”. Столько же, сколько и год назад. Тогда как мнение “политика запретов на импорт продуктов питания из Европы и США бессмысленна, абсурдна и вредна, от нее страдает в первую очередь население нашей страны” поддержали лишь 23% (год назад – 24%) [Общественное... 2017, с. 218].

Таблица 2

Отношение к контрсанкциям (эмбарго на импорт продовольствия) (в %)

Время опроса	Август 2014 г.	Октябрь 2014 г.	Март 2015 г.	Июнь 2015 г.	Август 2015 г.
Определенно положительно	36	29	19	30	25
В основном положительно	42	44	45	38	42
В основном отрицательно	8	13	21	17	17
Определенно отрицательно	5	2	4	7	4
Затрудняюсь ответить	9	12	9	9	12

Источник: [Левада-Центр 2015^а].

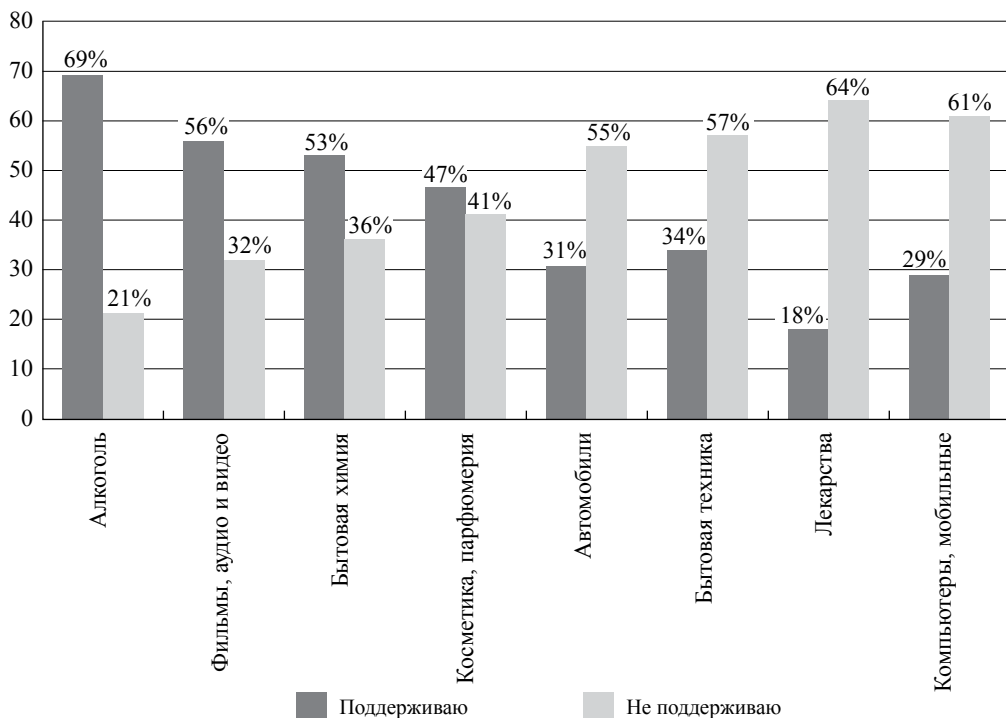


Рис. 1. Поддержали бы вы запрет на импорт таких товаров, как...
Источник: [Левада-Центр 2015^b].

Инициатива российских властей не просто была поддержана населением, но поддержана инициативно. На рисунке 1 представлено распределение ответов на вопрос о том, поддержал бы или не поддержал отвечающий распространение запрета со стороны России на импорт товарных групп, которые не попали под него в 2014 г. Видно, что достаточно много людей инициативно выступает за расширение импортных ограничений. Данные на рисунке относятся к августу 2015 г. За год до этого низовая поддержка импортных ограничений была еще выше (только ограничения на импорт лекарств не одобрялись).

Социологическая служба Фонд “Общественное мнение” (ФОМ) провела исследование отношения к контрсанкциям в феврале 2017 г. Правильным введение продуктового эмбарго считают 80% опрошенных, неправильным – лишь 12%. Даже в случае отмены западных санкций против ответной отмены российских санкций выступает достаточно большая доля респондентов (30%) (<http://fom.ru/Ekonomika/13192>). Согласно данным Левада-Центра, в целом положительно к идее снятия запрета на поставки продуктов питания из стран Евросоюза относятся 47% опрошенных (целиком положительно и скорее положительно), тогда как отрицательно и скорее отрицательно – 40% [Общественное... 2017, с. 218]. Постановка вопроса тут, правда, не уточняла, идет ли речь об ответном снятии санкций или инициативном. По всей видимости, отвечая на этот вопрос, респонденты все-таки предполагают обоюдные действия навстречу друг другу.

Это подтверждает и то обстоятельство, что значительно большая доля респондентов настаивает на продолжении прежней политики, несмотря на санкции (хотя здесь под продолжением прежней политики подразумеваются не только контрсанкции). Из таблицы 3 видно, что в течение двух лет доля упорствующих никогда не падала ниже 65%, а доля желающих искать компромисс никогда не превышала 26%.

Как, по вашему мнению, должна действовать Россия в ответ на санкции стран Запада? (в %)

	Сентябрь 2014 г.	Январь 2015 г.	Июнь 2015 г.	Ноябрь 2015 г.	Май 2016 г.	Август 2016 г.
Продолжать прежнюю политику, несмотря на санкции	68	69	70	65	75	70
Искать компромисс, делать уступки с тем, чтобы избежать санкций	22	21	20	26	17	21
Трудно сказать	10	11	10	9	8	9

Источник: [Общественное... 2017, с. 217].

Во многом такая позиция населения связана с двумя распространенными среди него иллюзиями. Первая основана на значительно преувеличенном допущении способности российской экономики к импортозамещению. На вопрос о возможности в ближайшие годы добиться такового в плане обеспечения продуктами питания утвердительно (в полной мере и значительной мере) отвечали 74% опрошенных, одеждой и обувью – 52%, лекарствами – 44% и даже бытовой, компьютерной техникой и средствами связи – 33%. Противоположную позицию (“в очень малой мере” и “совершенно не удастся”) занимает меньшинство: 6%, 16%, 16% и 26%, соответственно [Общественное... 2017, с. 219]³.

Вторая иллюзия строится на убеждении, что контрсанкции наносят больший ущерб странам, против которых они направлены, чем экономике России. В августе 2016 г. 33% респондентов считали, что ответные санкции России наносят в большей мере ущерб Западу, 15% полагали, что они наносят ущерб по большей мере самой России, и большинство (42%) заявляли, что они наносят ущерб в равной степени обоим сторонам [Левада-Центр 2016^d]. Похожие данные приводит и ФОМ: 59% полагают, что влияние российских санкций на тех, против кого они направлены, – существенно. И только 31% считают, что их влияние незначительно (26%) или даже вовсе не имеет места (5%) (<http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-28-666.pdf>)⁴.

Следует также обратить внимание на то, что большинство не ощущают на себе негативного влияния санкций или (скорее всего) просто не отличают его последствий от воздействия кризиса в целом. По уже отмеченным данным ФОМ, 62% считают, что запрет на импорт продовольствия никак не отразился на их жизни. Еще 23% говорят, что отразился, но незначительно, и лишь 13% говорят о существенном его влиянии. Совокупная доля тех, кто так или иначе почувствовал санкции (36%) ниже приводимой в начале раздела цифры, которую приводил Ромир в 2015 г. (напомню – это 43%), но, возможно, такое расхождение объясняет эффект привыкания. Магазины, как и раньше, наполнены продовольственными товарами, рост цен в 2016 г. оказался рекордно низким, а отличить фальсифицированный продукт от настоящего рядовой потребитель, как правило, не способен.

В то же время, касаясь двух вышеназванных иллюзий, можно заметить, что как первая, так и, особенно, вторая связаны со спросом на нематериальные ценности: предпринятием отечественного (пусть плохонькое, но свое) и стремлением нанести урон тем, кто противостоят внешней политике России, “нарыв национальнo-го величия” [Невзоров 2017], действительно, сильно раздут. Назовем это спросом на державность.

³ Об ограниченности и неэффективности политики импортозамещения в современной России см. интервью с известным экономистом-международником С. Афонцевым [Коноваленко 2016].

⁴ О незначительности влияния контрсанкций на экономику стран ЕС в целом и быстром нахождении ими альтернативных рынков сбыта см. [Узун, Логинова 2016].

Российский экономист Р. Гринберг озаглавил посвященную санкциям статью весьма образно: “Любовь к санкциям как экономический мазохизм” [Гринберг 2016]. Однако, чем бы ни была движима эта любовь (мазохизмом, садизмом или еще чем-то), он вынужден признать, что для экономического анализа это все ценности (аргументы функции полезности индивида с положительными знаками). Удовлетворение от контр-санкций входит как составная часть в композитное благо под именем державность.

Человек живет не только сугубо материальными целями. Для него важны и ценности, приносящие ему ощущения собственной значимости в сообществе людей. Например, экономист может бесплатно излагать свои взгляды на страницах известной газеты или выступать на телевидении, принося в жертву если не прямую свой доход, то свободное время. Он обменивает его на известность коллегам и широким массам в качестве эксперта, которая, надо полагать, приносит ему удовлетворение (приrost полезности). В противном случае он не жертвовал бы отдыхом. Абсолютному большинству людей такой способ удовлетворять собственное тщеславие недоступен, но потребность в нем имеется. Иногда ради этого удовлетворения человек готов даже на шаги, угрожающие его здоровью и самой жизни. Об этом говорит масса нелепых акций, занесенных в книгу рекордов Гиннеса.

В то же время удовлетворение собственного тщеславия возможно не только через какие-то индивидуальные действия. Оно обеспечивается и сопричастностью к каким-то ярким внешним событиям. Типичный пример – переживание за любимую спортивную команду (болевание). Или радость от победы на выборах политической партии или кандидата, которым отдается предпочтение. Причем далеко не всегда эта радость связана с ожидаемыми материальными выгодами. Об этом говорит теория экспрессивного голосования или, иначе, голосования как самовыражения [Sobel, Wagner 2004]. При отсутствии этого мотива на выборы приходил бы очень небольшой процент избирателей.

Примерно такую же природу имеет получение удовольствия от достижений своей страны, ее величия. Причем в данном случае человек воспринимает себя не просто наблюдателем какого-то события, вносящего, по его мнению, вклад в это величие, но еще и участником играющей команды, пусть и очень скромным. Об этом говорит характерный образ мыслей или даже распространенная фигура речи: “Я и моя страна...”. А достижения и величие страны нередко отождествляются в сознании ее граждан с располагаемой мощностью направленного вовне потенциала государственного принуждения: способностью завоевывать авторитет в глобальном масштабе через передовые достижения в области милитаризации, возможностью подчинять своему влиянию другие страны, диктовать им свои условия, принуждать к уступкам и, наконец, решимостью вести боевые действия и даже захватывать чужие территории. Эти представления о державности можно определить в качестве составляющих имперского мышления⁵.

Применительно к России можно утверждать, что имперское сознание (имперство) образует одну из базовых характеристик ее институционального ядра, которое представлено наиболее прочно укоренившимися и воспроизводимыми на протяжении длительного исторического времени институтами. Речь идет, конечно же, о неформальных институтах, которые представляют собой некий набор “норм, конвенций и кодексов поведения” и, в отличие от формальных институтов, “изменяются намного медленнее и играют ключевую роль в эволюции организации общества” [Норт 2010, с. 81, 82]. В свою очередь, “нормы, конвенции и кодексы поведения” основываются на доминирующих в обществе убеждениях⁶.

⁵ Имперское мышление россиян как особый феномен подробно описано историком Е. Анисимовым [Анисимов 2015]

⁶ Культуролог А. Пелипенко рассматривал имперство как вложенный в Русскую матрицу (говоря языком институциональной экономики, эта матрица и есть, в сущности, институциональное ядро) идеократический проект установления должного мирового порядка [Пелипенко 2013].

Имперство в России относится далеко не только к элитарному сознанию, но и представляет собой широко распространенную в массах ценность, наделяющую скудную повседневную жизнь неким высшим смыслом. Не случайно столь популярной и часто произносимой при подходящем случае стала фраза таможенника из фильма “Белое солнце пустыни”: “За державу обидно!”.

Склонность к имперству (державности) неплохо выявляют социологические опросы. Был поставлен следующий вопрос: “Как вы считаете, Россия должна гордиться или стыдиться присоединением в XV–XIX вв. Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии, Кавказа и Закавказья, Украины и Белоруссии, Польши и Финляндии?”. 45% ответили, что определенно должна гордиться, 31%, что скорее должна гордиться. На противоположном полюсе оказалось ничтожно мало респондентов: скорее должна стыдиться – 2%, и определенно должна стыдиться – 1%. Если мы перейдем к современности, то присоединением Крыма определенно гордятся 54% респондентов; скорее гордятся – 35%. И точно такое же, как и при ответе на предыдущий вопрос, распределение тех, кто считают, что скорее должна стыдиться (2%) и определенно должны стыдиться (1%) [Общественное... 2017, с. 29]⁷.

Восприятие крымских событий служит самым значимым показателем спроса российского населения на “державность”. Тот же Левада-Центр предлагал респондентам в марте 2016 г. ответить на следующий вопрос: “О чем, по вашему мнению, прежде всего свидетельствует присоединение Крыма к России?”. И предлагал два варианта ответа. Первый звучал так: «О том, что Россия возвращается к своей традиционной роли “великой державы”, утверждает свои интересы в постсоветском пространстве». Его поддержали 79% опрошенных. Второй вариант предлагал следующую формулировку: “О растущем авантюризме российской власти, стремящейся отвлечь население от реальных социальных и экономических проблем, коррупции, недовольстве властями в самой России”. В его пользу высказались 9% опрошенных [Левада-Центр 2016^a].

Особо показательны данные, полученные Левада-Центром в январе 2017 г. Впервые в перечень возможных ответов на вопрос: “Какие события и явления в истории страны вызывают у вас чувство гордости?”, был включен вариант “Возвращение Крыма в состав Российской Федерации”, и он сразу занял второе место после победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., опередив даже ведущую роль страны в освоении космоса. В том же исследовании предлагался и такой вопрос: “Что вызывает у вас чувство стыда и огорчения, когда вы обращаетесь к российской истории двадцатого столетия?”. На втором месте по частоте ответов оказалось разрушение СССР. Одновременно с этим стыд за стремление силой навязать свой строй другим странам и народам почти что сошел на нет: с 15% в 1999 г. до 4% в 2017 г. [Левада-Центр 2017^a]. Последнее означает, что идеология великодержавности, пережив кризис в 1990-е гг., в полной мере вернулась на свое прежнее место. Комплекс сверхценности собственного социального порядка, который не только не стыдно, но и почетно насильственно вменять другим народам и странам, снова стал одной из доминант в российском менталитете.

Великодержавностью наполнено сознание и будущей российской элиты. Сравнительный анализ убеждений студентов элитарных российских вузов (МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ) и студентов Пристонского университета (США) показал, что, по мнению двух третей российских студентов (62%), “страна может существовать только как великая держава”, причем половина разделявших это мнение были убеждены, что “нашу страну должны бояться, только тогда ее будут уважать”. Среди американских студентов соответствующие показатели были равны 23 и 16% [Урнов, Касамара 2016, с. 92–93].

Державность, как и всякое иное благо, означает наличие отвергнутых возможностей потратить редкие ресурсы не ради ее укрепления, а еще каким-то иным образом.

⁷ И даже участием не в столь уж популярной войне за “тридевять земель”, в Сирии, в той или иной степени гордятся 36%, тогда как стыдятся в той или иной степени лишь 15% [Общественное... 2017, с. 29].

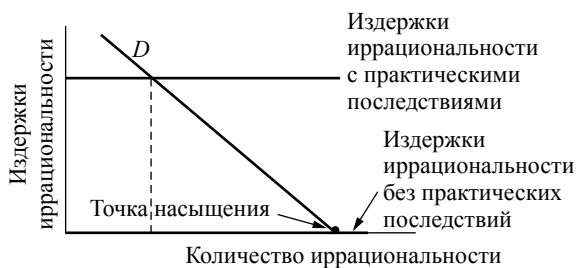


Рис. 2. Спрос на иррациональность

Можно понизить требующиеся для наращивания вооруженных сил налоги, и тогда частный бизнес произведет дополнительные потребительские блага или даже изобретет и внедрит новые. А можно из уже собранных налогов большие суммы направить на нужды образования и здравоохранения или же на прочие мирные цели. В любом случае державность есть альтернативная ценность по отношению к массе иных полезных благ.

Теперь стоит обратиться к обсуждению проблемы рационального и иррационального в массовом поведении и перенестись на российскую почву. Тем более что период контрсанкций и развертывания телевизионной пропаганды, окрещенный СМИ борьбой холодильника и телевизора, дает для этого обсуждения очень наглядные иллюстрации. Холодильник можно отождествить с рациональным началом, телевизор — с иррациональным.

Американский экономист Б. Каплан в качестве одного из критериев иррациональности избирателя использует сравнение экспертного знания с массовыми убеждениями [Каплан 2012, с. 79–132; Caplan 2004]. Среди неангажированных экономистов практически нет тех, кто говорили бы об экономической пользе контрсанкций. Ведь их можно просто рассматривать как радикальную разновидность протекционизма в форме запрета на торговлю. Однако общественное мнение, как мы видели, занимает противоположную позицию.

Понятно, что опрос мнений — не выборы, но и на выборах в Государственную думу в сентябре 2016 г. избиратель поддержал политику контрсанкций, проголосовав за Единую Россию (более 54% голосов), что много даже с учетом всех возможных манипуляций, которые, по наиболее авторитетной оценке, дали около 2 млн фальшивых голосов или 3,6% от числа учтенных голосов [Kalinin, Mebane 2016]. При этом надо иметь в виду, что у правительственной партии и так называемой системной оппозиции (остальных трех прошедших в Госдуму партий) никаких разногласий по вопросам внешней политики нет. Еще более наглядно настрой масс на поддержку державности проявляется в положительном рейтинге первого лица (проценте одобряющих деятельность президента РФ): раз взлетев на 19 процентных пунктов с минимальной отметки в ноябре 2013 г. на уровень 80% в марте 2014 г., он с тех пор ни разу не опускался ниже этой цифры [Левада-Центр 2017^b].

Постараемся и далее следовать подходу Каплана в его модели оценки спроса на иррациональность [Каплан 2012, с. 184–185]. В нашем случае иррациональность — спрос на державность, проявляющийся, в частности, в одобрении контрсанкций. На рисунке 2 спрос на иррациональность (D) упирается в ось абсцисс в точке своего насыщения. Предполагается, что в реальности он будет таковым только при нулевых издержках иррационального поведения (график издержек иррациональности без практических последствий идет вдоль оси абсцисс, поскольку таковые в этом случае равны нулю). Если же иррациональность имеет негативные практические последствия, то график издержек иррациональности проходит заметно выше оси, и спрос на иррациональность значительно меньше, хотя и не отсутствует вовсе.

Готовность платить за Крым (в %)

	Март 2014 г.	Март 2015 г.	Март 2016 г.
В полной мере	7	5	4
В значительной мере	19	11	10
В какой-то мере	33	34	32
Совершенно не готов	19	32	30
Не считаю, что это бремя ляжет на обычных граждан	17	12	19
Затруднились ответить	6	7	6

Источник: [Левада-Центр 2016⁸].

Очевидно, однако, что далеко не все зависит от издержек иррационального поведения. Если психологические выгоды от иррациональности велики (например, линия спроса *D* сильно сдвинута вправо от начала координат), то и высокая цена иррациональности не в состоянии убрать спрос на нее. Если взять крайний случай, то для исламского террориста-самоубийцы никакие издержки не имеют значения, поскольку жертвует он конечным благом (временной и проблемной земной жизнью) ради блага бесконечного (вечной райской жизни без каких-либо проблем). Что же касается рассматриваемого российского кейса с контрсанкциями, то здесь, несомненно, спрос на иррациональность куда ниже, но пока его вполне достаточно, чтобы телевизор выигрывал у холодильника.

Впрочем, не стоит преувеличивать роль телевизора. Обычно на нее напирают те политики, которые, находясь в оппозиции к политическому режиму, полагают его неким привнесенным злом, не связанным с отражением мира в ментальности масс. На самом деле это не так. Не телевизор кормит мысли масс, а наоборот. Из телевизора они после 2013 г. лишь услышали то, что сами давно хотели услышать, но не надеялись, что такое когда-нибудь произойдет. Телевизор вдруг заговорил на их языке⁸.

Приводимые выше данные социологических опросов, конечно, не говорят о том, насколько сильна готовность людей жертвовать ради державности своим благополучием. Разумеется, никакой опрос не даст нам возможности сколько-нибудь точно построить кривую спроса на державность или измерить издержки следования державным курсом, включая потери от контрсанкций. Тем не менее некоторое приблизительное представление о чем-то подобном они могут дать.

В одном из исследований Левада-Центра приводились результаты ответов на вопрос о готовности взять на себя бремя расходов по присоединению Крыма (см. табл. 4). Он сопровождался следующей преамбулой: “Присоединение Крыма требует от России очень значительных вложений и инвестиций, бремя которых ложится и на обычных граждан страны в виде ограничения роста зарплат и пенсий, сокращения расходов на образование и здравоохранение, роста цен и т.п.”. И далее следовал вопрос: “В какой мере вы лично готовы платить такую цену за присоединение Крыма?”.

Данные таблицы говорят о том, что готовность платить убывает со временем (сказывается, конечно, ухудшение материального положения, о котором упоминалось выше), но все-таки еще остается довольно значительной. В марте 2016 г. в той или иной мере были готовы платить 46% опрошенных, а совершенно не готовы – 30%. При этом за последний год доля первых снизилась лишь на 4 процентных пункта. Кроме того, как видим, довольно большой процент граждан ошибочно не связывает расходы на Крым с собственным благосостоянием.

⁸ “Во-первых, социологи знают, что сильная мысль или эмоция идет всегда изнутри социума, а во-вторых, телевизор говорит теперь по преимуществу то, что общество хочет от него услышать” [Левинсон, Борусяк 2015].

Говоря о перспективах сокращения массового спроса на контрсанкции, надо прежде всего иметь в виду, что их альтернативная стоимость не есть некая точно измеряемая величина, а как и всякая альтернативная стоимость, определяется субъективными оценками потерь. Для сокращения спроса на контрсанкции эти потери должны постоянно увеличиваться с течением времени, в противном случае происходит не только стабилизация, но и снижение остроты их восприятия. Люди перестают помнить, что было до них. Более того, общественное сознание должно более-менее адекватно понимать связь между снижением своего благосостояния и контрсанкциями. Однако это понимание слабо или чаще всего и вовсе отсутствует. Поэтому без серьезного расширения контрсанкций патриотизм одержит еще не одну победу над консьюмеризмом.

* * *

Рассуждая о перспективах дальнейшей жизни России после 2013 г., стоит избегать одной принципиальной ошибки, которая в наибольшей степени присуща экономистам. А именно, видеть в человеке, особенно в российском, человека экономического (знаменитого *homo economicus*), которому, как правило, приписываются рациональные мотивы самого наблюдателя. На самом деле он одержим “великими идеями”, которые до поры до времени пребывают в латентном состоянии, но находят выход наружу всякий раз, когда обстоятельства этому благоприятствуют. Имперская составляющая русского национального сознания и политической культуры не случайно берет верх над обывательскими мотивами. “Русский человек” (он же левадовский *homo soveticus*) ощущает себя призванным управлять “ближним миром”, экспортируя укорененные в российском социуме базовые институты, и прежде всего “власть-собственность”. Поскольку же таковая отторгается некоторыми продвигающимися в направлении модернизации соседями, то за этим он видит не только “великую неблагодарность”, но и экзистенциальный вызов собственным социальным порядкам, которые оцениваются им как лучшие из имеющихся на планете Земля⁹. В результате он рассматривает как необходимость (стратегию выживания) трату колоссальных ресурсов на то, что рассматривает как защиту от этой угрозы (включая территориальную экспансию в так называемом ближнем зарубежье).

Исторические периоды, когда власть меняет вектор своей политики и ищет пути сотрудничества с Западом и, главное, трансформации собственного социума по его образцу, не случайно представляются как предательство коренных интересов России, ее подчинение глубоко чуждым ей ценностным установкам. И в народной памяти правителям-реформаторам отводится очень непочетное место. Продолжающаяся эпоха путинского правления означает возвращение “русского человека” во власть, реставрацию традиционных политико-экономических институтов после их частичного разрушения в “проклятые 90-е”. “Вставание с колен” знаменует не только возврат традиционных неэффективных институтов, но и непрерывную борьбу с Западом за недопущение проникновения чуждых социальных порядков на подвластную территорию, что, в частности, требует и ее расширения в той или иной форме.

В результате плохо совместимые с ростом материальной обеспеченности населения внутренние институты сплетаются с еще менее отвечающими ему конфронтационными шагами во внешней политике. Однако для российского массового человека, образно говоря, любовь к комфорту обладает высокой степенью заменимости ненавистью

⁹ Согласно данным Левада-Центра, наиболее предпочтительной политической системой респонденты регулярно называют советскую систему (в январе 2016 г. – 37%), на втором месте – нынешняя система (23%). Демократию по образцу западных стран предпочитают только 13%. Что касается экономической системы, то здесь с большим преимуществом побеждает та, которая основана на государственном планировании и распределении (за нее высказались в январе 2016 г. 52%, тогда как за систему, основанную на частной собственности и рыночных отношениях, – ровно вдвое меньше) [Левада-Центр, 2016^с]. Выбор в пользу “прошлой системы” не должен смущать: он, так же как и выбор нынешней, есть выбор в пользу одной, в основах своих схожей особой модели (особой по отношению к западным институтам), которую О. Шкаратан называет “этакратической социетальной системой” [Шкаратан 2015, с. 34].

к Америке. Так что лишенному этого качества меньшинству не стоит надеяться на разворот российского государства в сторону озабоченности его повседневными нуждами. Остальные же, наверное, смогут еще долго держаться. На “духовных скрепах”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов В.Е. (2015) Истоки имперского менталитета в России (<http://asiarussia.ru/news/5718/>).
- Беришвили Н. (2017) Молоко натуральное пальмовое (<http://izvestia.ru/news/668292#ixzz4aXJLXWxP>).
- Галеева В. (2016) “Горящий творожок”-2: Не до жиру (<http://www.fontanka.ru/2016/06/28/180>).
- Гринберг Р.С. (2016) Любовь к санкциям как экономический мазохизм // Мир перемен. № 3. С. 5–7.
- Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения. 2015 г. – январь 2017 г. (2017) (<http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-2017-february.pdf>).
- Каплан Б. (2012) Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику. М.: ИРИСЭН; Мысль.
- Коноваленко А. (2016) С чего вы взяли, что мы развиваемся (<http://expert.ru/ural/2016/27/s-chego-vyi-vzyali-hto-myi-razvivaemsa/>).
- Краузова Е. (2015) Алексей Мартыненко: «Переключиться на российский сыр – это как пересест на “Жигули”» (<https://slon.ru/posts/53249>).
- Левада-Центр (2015^a) Восприятие событий на востоке Украины и санкции (<http://www.levada.ru/31-08-2015/vospriyatie-sobytiy-na-vostoke-ukrainy-i-sanktsii>).
- Левада-Центр (2017^a) Гордость и стыд (<http://www.levada.ru/2017/03/01/gordost-i-styd>).
- Левада-Центр (2016^a) Крым два года спустя: внимание, оценки, санкции (<http://www.levada.ru/2016/04/07/krym-dva-goda-spustya-vnimanie-otsenki-sanktsii>).
- Левада-Центр (2016^b) Мониторинг восприятия экономической ситуации в стране: декабрь 2015 – январь 2016 (<http://www.levada.ru/2016/02/12/monitoring-vospriyatiya-ekonomicheskoy-situatsii-v-strane-dekabr-2015-yanvar-2016>).
- Левада-Центр (2017^b) Одобрение органов власти (<http://www.levada.ru/indikatoriy/odobrenie-organov-vlasti>).
- Левада-Центр (2015^b) Ограничение импорта зарубежных товаров (<http://www.levada.ru/old/01-10-2015/ogranichenie-importa-zarubezhnykh-tovarov>).
- Левада-Центр (2016^c) Предпочтительные модели экономической и политической систем (<http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem>).
- Левада-Центр. (2016^d) Санкции Запада и продуктовое эмбарго России (<http://www.levada.ru/2016/08/18/sanktsii-zapada-i-produktovoe-embargo-rossii>).
- Левинсон А., Борусяк Л. (2015) “Нас не оценили”: что думают россияне о Западе через год после Крыма (<http://www.rbc.ru/opinions/society/02/04/2015/551d20ad9a7947c4b31c7adc>).
- Надыкто О. (2016) Россельхознадзор передумал запрещать все овощи и фрукты из Турции (<http://www.rbc.ru/society/18/05/2016/573c7cbe9a7947567048a3a8>).
- Невзоров А.Г. (2017) Искусство оскорблять. М.: АСТ.
- “Неопределенно долго”: Медведев призвал готовиться жить в условиях санкций (2017) (<https://ria.ru/economy/20170228/1488979633.html>).
- Николаев И.А., Марченко Т.Е., Точилкина О.С. (2016) Продовольствие в системе экономических санкций. М.: Институт стратегического анализа ФБК (http://www.fbk.ru/upload/iblock/d34/food_sanctions.pdf).
- Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Общественное мнение – 2016 (2017) М.: Левада-Центр.
- Пелипенко А. (2013) Судьба Русской матрицы (<http://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>).
- Поддубный А. (2016) Возможности для снижения качества продукции не исчерпаны (http://www.rbc.ru/spb_sz/20/01/2016/569f72f29a794714fefe6c80).
- Узун В., Логинова Д. (2016) Российское продовольственное эмбарго: потери западных стран незначительны // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 14 (32). С. 24–29 (<http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-32-716.pdf>).

Урнов М.Ю., Касамара В.А. (2016) Национальная идентичность студентов России и США (сравнительный анализ). Статья 2. Аспекты отношения к стране, делающие ее объектом национальной идентичности // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 82–98.

Шагайда Н. (2016) “Антитурецкое эмбарго”: кто потерял больше // *Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*. № 10 (28). С. 22–27 (<http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo/2016-28-666pgf>).

Шагайда Н., Узун В. (2016) Продовольственное эмбарго и выбор приоритетов // *Вопросы экономики*. № 7. С. 93–105.

Шкаратан О.И. (2015) Россия как евразийская цивилизация // *Россия как цивилизация: материалы к размышлению*. М.: Редакция журнала “Мир России”. С. 12–65.

Caplan B. (2004) Economists versus the Public on Economic Policy // *The Encyclopedia of Public Choice*. C. K. Rowely, F. Schneider (eds). Vol. 2. Dordrecht, etc.: Kluwer acad. Pp. 180–183.

Kalinin K., Mebane W.R. (2016) Worst Elections Ever in Russia? (<http://www-personal.umich.edu/~wmebane/Russia2016.pdf>).

Sobel R.S., Wagner R.A. (2004) Expressive Voting and Redistribution // *The Encyclopedia of Public Choice*. C. K. Rowely, F. Schneider (eds). Vol. 2. Dordrecht, etc.: Kluwer acad. Pp. 245–247.

Reaction to Counter-Sanctions: “The Price is no Concern...”

A. ZAOSTROVTSEV *

*Zaostrovtssev Andrey — professor, Department of Public Administration, National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg; Senior Researcher, Center of Modernization Studies at the European University at St. Petersburg. Address: 17 Promyshlennaya st., St. Petersburg, Russia. E-mail: azaostrovtssev@hse.ru

Abstract

The article deals with the so-called counter-sanctions (the ban on the import of most types of food from the US, EU countries and a number of other countries), introduced by Russia in 2014 in response to Western sanctions, their consequences and the reaction of the population to them. An accelerated rise in prices for analogues of goods banned for import, deterioration of their quality was noted. At the same time, a clear majority of the population of Russia supports the ban on import. In the article this fact is explained by a complex of national grandeur (“statehood”) as components of the national mentality that makes up the institutional core of the social order. In support of this conclusion, there are data from numerous sociological surveys, national elections, and presidential ratings. On the basis of the Caplan’s model of irrational behavior of the voter, it is shown that the demand for irrational behavior is limited by the costs (welfare losses) resulting from it. To effectively limit this demand, they must constantly increase. Otherwise, negative feelings from them are weakened and the demand for irrational behavior remains high. As a result, the stabilization of damage from counter-sanctions ensures their support by the population.

Keywords: Counter-sanctions, national grandeur, institutional core, informal institutions, mental models, irrational behavior, imperial thinking.

REFERENCES

Anisimov V.E. (2015) *Istoki imperskogo mentaliteta v Rossii* [The sources of imperial mentality in Russia] (<http://asiarussia.ru/news/5718/>).

Berishvili N. (2017) *Moloko naturalnoe palmovoe* [Milk is natural from palm oil] (<http://izvestia.ru/news/668292#ixzz4aXJLWXp>).

Caplan B. (2004) Economists versus the Public on Economic Policy. *The Encyclopedia of Public Choice*. C. K. Rowely, F. Schneider (eds). Vol. 2. Dordrecht, etc.: Kluwer acad, pp. 180–183.

- Caplan B. (2012) *Mifo ratsionalnom izbiratele: Pochemu demokratii vybirayut plokhuyu politiku* [The myth of the rational voter: Why democracies choose bad policies]. Moscow: IRISEN; Mysl.
- Ezhemesyachnyi monitoring sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya I samochuvstviya naseleniya 2015 – yanvar 2017 (2017) [Monthly monitoring of the socio-economic status and well-being of the population. 2015 – January 2017] (<http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-2017-february.pdf>).
- Galeeva V. (2016) “Goryshchii tvorozhek” – 2: Ne do zhiru [“Burning Cottage Cheese” –2: Not to fat] (<http://www.fontanka.ru/2016/06/28/180>).
- Grinberg R.S. (2016) *Lubov' k sanktsiyam kak ekonomicheskyy mazokhizm* [Love for sanctions as economic masochism]. *Mir peremen*, no. 3, pp. 5–7.
- Kalinin K., Mebane W.R. (2016) *Worst Elections Ever in Russia?* (<http://www-personal.umich.edu/~wmebane/Russia2016.pdf>).
- Konovnenko A. (2016) *S chego vy vzlyali, chto my razvivaemysya* [What makes you think that we are developing?] (<http://expert.ru/ural/2016/27/s-chego-vyi-vzlyali-chto-myi-razvivaemysya>).
- Krauzova E. (2015) *Aleksei Martynenko: «Pereklyuchitsya na rossiiskii syr – eto kak peresest na “Zhiguli”»* [Aleksei Martynenko: “Switch to Russian cheese – it’s like moving to “Lada” “] (<https://slon.ru/posts/53249>).
- Levada-Tsenter (2017^a) *Gordost i styd* [Pride and shame] (<http://www.levada.ru/2017/03/01/gordost-i-styd>).
- Levada-Tsenter (2016^a) *Krym dva goda spustya: vnimanie, otsenki, sanktsii* [Crimea two years later: attention, assessments, sanctions] (<http://www.levada.ru/2016/04/07/krym-dva-goda-spustya-vnimanie-otsenki-sanktsii>).
- Levada-Tsenter (2016^b) *Monitoring-vospriyatiya-ekonomicheskoy-situatsii-v-strane-dekabr-2015-yanvar-2016* [Monitoring of the perception of the economic situation in the country: December 2015 – January 2016] (<http://www.levada.ru/2016/02/12/monitoring-vospriyatiya-ekonomicheskoy-situatsii-v-strane-dekabr-2015-yanvar-2016>).
- Levada-Tsenter (2017^b) *Odobrenie organov vlasti* [Approval of authorities] (<http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti>).
- Levada-Tsenter (2015^b) *Ogranichenie importa zarubezhnykh tovarov* [Restriction of imports of foreign goods] (<http://www.levada.ru/old/01-10-2015/ogranichenie-importa-zarubezhnykh-tovarov>).
- Levada-Tsenter (2016^c). *Predpochtitelnye modeli ekonomicheskoy i politicheskoy sistem* [Preferred models of economic and political systems] (<http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem>).
- Levada-Tsenter (2016^d) *Sanktsii Zapada i produktovoe embargo Rossii* [The sanctions of the West and the food embargo of Russia] (<http://www.levada.ru/2016/08/18/sanktsii-zapada-i-produktovoe-embargo-rossii>).
- Levada-Tsenter (2015^a) *Vospriyatie sobytii na vostoke Ukrainy i sanktsii* [Perception of events in the east of Ukraine and sanctions] (<http://www.levada.ru/31-08-2015/vospriyatie-sobytiia-na-vostoke-ukrainy-i-sanktsii>).
- Levinson A., Borusyak L. (2015) “Nas ne otsenili”: chto dumayut rossiiane o Zapade cherez god posle Kryma [“We were not appreciated”: what Russians think about the West one year after the Crimea] (<http://www.rbc.ru/opinions/society/02/04/2015/551d20ad9a7947c4b31c7adc>).
- Nadukto O. (2016) *Rosselkhoznadzor peredumal zapreshchat' vse ovoshchi i frukty iz Turtsii* [The Rosselkhoznadzor decided not to ban all vegetables and fruits from Turkey] (<http://www.rbc.ru/society/18/05/2016/573c7cbe9a7947567048a3a8>).
- “Neopredelenno dolgo”: Medvedev prizval gotovitsya zhit v usloviyakh sanktsii (2017) [“Uncertainly long”: Medvedev urged to prepare to live in conditions of sanctions] (<https://ria.ru/economy/20170228/1488979633.html>).
- Nikolaev I.A., Marchenko T.E., Tochilkina O.S. (2016) *Prodovostvie v sisteme ekonomicheskikh sanktsii* [Food in the system of economic sanctions]. Moscow: Institut strategicheskogo analiza FBK (http://www.fbk.ru/upload/iblock/d34/food_sanctions.pdf).
- Nort D. (2010) *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change]. Moscow: Izdatelskii dom GU VSE.
- Obshchestvennoe mnenie – 2016* (2017) [Public Opinion – 2016]. Moscow: Levada-Tsenter.
- Pelipenko A. (2013). *Sud'ba Russkoi matritsy* [The fate of Russian matrix] (<http://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>).
- Poddubnyi A. (2016) *Vozmozhnosti dlya snizheniya kachestva roduksii ne ischerpany* [Opportunities for lowering product quality are not exhausted] (http://www.rbc.ru/spb_sz/20/01/2016/569f72f29a794714fefef6c80).

Shagaida N. (2016) “Antituretsroe emabargo”: kto poteryal bol'she? [Anti-Turkish embargo: who lost more? *Operativnyi monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya*, no. 10 (28), pp. 22–27 (<http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo/2016-28-666pgf>).

Shagaida N., Uzun V. (2016) *Prodovolstvennoe embargo i vybor prioritetov* [Food embargo and choice of priorities]. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 93–105.

Shkaratan O. I. (2015) Rossiya kak evraziiskaya tsivilizatsiya [Russia as Eurasian civilization]. *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy k razmyshleniyu* [Russia as a civilization: materials for reflection]. Pod red. O. I. Shkaratana, V. N. Leksina, G. A. Yastrebova. Moscow: Redaktsiya zhurnala “Mir rossii”, pp. 12–65.

Sobel R.S., Wagner R.A. (2004) Expressive Voting and Redistribution. *The Encyclopedia of Public Choice*. C. K. Rowely, F. Schneider (eds). Vol. 2. Dordrecht, etc.: Kluwer acad., pp. 245–247.

Urnov M. Yu., Kasamara V.A. (2016) Natsionalnaya identichost studentov Rossii i SSHA (sravnitelnyi analiz). Statya 2. Aspekty otnosheniya k strane, delayushchie ee ob'ektom sotsialnoi identichnosi [The National Identity of Russian and American Students. Article 2. Aspects of Attitudes towards the Country that Render it an Object of National Identity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 82–98.

Uzun V., Loginov D. (2016) Rossiiskoe prodovolstvennoe embargo: poteri zapadnykh stran nesushchestvenny [The Russian food embargo: losses of the western countries are insignificant]. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii. Tendentsii i visovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya*, no. 14(32), pp. 24–29 (<http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-32-716.pdf>).

© A. Заостровцев, 2017